

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТУ, ДИСКУРСОЛОГИИ, ДИСКУРС-АНАЛИЗУ

Л. Г. Викулова
(Москва, Россия)
Е. Ф. Серебrenникова
(Иркутск, Россия)

УДК 811.13

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ УНИВЕРСУМА ЧЕЛОВЕКА И УНИВЕРСУМА ЯЗЫКА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Категории и процедуры, связанные с аксиологией, во все большей степени присутствуют в новейших исследованиях по лингвистике, позволяя выйти на прояснение глубинных аспектов *homo lingualis* – “человека в языке”. В связи с поставленной в современном антропологическом знании задачей разработки общей теории аксиосферы, а также в связи с появлением в лингвистике множества таких новых, аксиологически ориентированных дисциплин, как этнолингвистика, критический анализ дискурса, анализ социального дискурса, политическая дискурсивная лингвистика и других, проблематика аксиологического плана с необходимостью выходит на определение методов и совокупности адекватных им способов и приемов анализа, с опорой на изменения парадигмального характера в современной лингвистике и накопленный опыт в осмыслении человека и его языка.

Современное состояние глобализирующегося мира эпохи “постмодерна” делает особенно актуальным вопрос о соотношении знака и реальности, о коллизиях исходных, устойчивых концептов открытых друг другу этнокоммуникативных пространств и смыслов набирающей силу “интеркультуры”. В этой связи возрастает важность попыток комплексного осмысления аспектов и проблем аксиологического лингвистического анализа в целом и разработки адекватной методологии и методики такого рода анализа.

Антропоцентричность современной лингвистики полагает в качестве исходной инстанции рассмотрения *человека говорящего* – *homo verbo agens*. А язык – как экзистенциальную сущность человека. К ряду ключевых понятий в этой парадигме относятся такие, как “универсум”, “универсум человека” и “универсум языка”, “картина мира”, “жизненный мир” человека, а также дискурс / текст и субъектность, обусловленные фундаментальной онтологической парадигмой “Человек – Язык – Культура – Мир (миры)”. Поскольку данные интегральные понятия современной лингвистики исходят из их “человеческого” происхождения и имеют глубинное оценочное измерение, то они взяты в их концептуальном и языковом параметрах, а также в балансе соотношения статики и динамики [6].

Интерес к аксиосфере (сфера ценностей) в ее соотношении с постоянно прогрессирующей ноосферой (сфера знания) человека обусловлен осмыслением современного периода в эволюции общества, в котором процессы глобализации, с одной стороны, сопровождаются усилением межкультурного диалога и процессами унификации, с другой стороны, усилением процессов национального самосознания и самоидентификации, что обуславливает актуальность разработки методологической базы для исследования данных процессов. Значимым становится более четкое формулирование теоретических оснований, личностной самоидентификации человека и общества, что находит свое отражение в монографических исследованиях, например [2].

Концепция взаимообусловленности биологического, психологического, социокультурного, трансцендентного и экзистенциального способов бытия человека актуализирует проблему аксиологической интерпретации понятия *идентичности*, связывающую сферу индивидуально-личностного и социального бытия человека, а в координатах современного мира и сферу межнационального (или транснационального) взаимодействия, превращая данное понятие в объект междисциплинарного исследования. В настоящее время философская, социологическая, культурологическая, политологическая мысль оперирует знаком “идентичность”, относя его, прежде всего, к сфере интеллектуальной рефлексии. В то же время, реальность перехваченной данным знаком структуры понимания и оценивания человеком самого себя по отношению к другим, может быть выявлена в лингвистическом анализе, в частности, посредством метода этносемиотрии. Методологически данный метод опирается на положение о том, что процессы концептуализации мира в семиозисе совмещены с процессом оценивания [5]. Данный термин,

основываясь на понятии “измерение – метрия”, включает два других специфицирующих компонента: “семио-” и “этно-”. Первый из них отсылает к цели выявления значения, содержания исследуемой символической формы, приближаясь в этом плане к семантическому анализу; второй, исходя из гипотезы лингвистической относительности, помещает всякую цельную языковую символическую форму в контекст принадлежности определенному культурному хронотопу и культурогенному дейксису. Как следствие, в семантически и коннотативно нагруженных знаках на глубинном уровне анализа выявляются значимые смыслы, соотносящиеся со сферой ценностного.

Попытка выйти на глубинное измерение, т.е. измерение аксиологически релевантного смысла (или смыслов), позволяет не только реконструировать данные смыслы на определенных хронотопных срезах, но и проследить “точки роста” и векторы трансформаций данных смыслов в семиотическом континууме. Под хронотопным срезом понимается специально выделяемый, значимый период в социокультурной эволюции общества, выявляющий существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений в совокупности специфических способов осмысления мира и их закрепления в важнейшей семиотической системе – языке. Поставим задачу в данном случае произвести первичную семиометрию “идентичности” по данным репрезентативных текстов, относящихся как сфере интеллектуальной рефлексии, так и данным работ в области лингвистики в современном хронотопном срезе.

Одно из важных наблюдений состоит в том, что именно на основе данного знака становится возможным формулирование общего экзистенциального состояния современного человека и человеческого общества. Формула “идентификационный кризис” связывается с происходящим цивилизационным сломом, сменой эпох и сменой системы ценностей. Идентичность получает проблемное и дискуссионное истолкование.

Философы конца XX-начала XXI вв. рассматривают проблему идентичности в рамках ценностного подхода и в свете происходящих в мире таких социально-политических процессов, как прогрессирующая глобализация [15; 16]. Анализ содержания работ по проблеме диалога культур последних десятилетий показывает, что термин *идентичность* репрезентирует феномен, претерпевающий значительные трансформации. Если несколько столетий назад этническая, национальная или религиозная идентичность была неотъемлемой частью любой культуры, а сами культуры (индийская, китайская, исламская и др.) были этноцентричными, то в настоящее время наблюдается разрушение “культурного эгоцентризма”. Вышеназванные культуры уже не являются традиционными в классическом понимании, но так и не стали современными. [18, с. 221–227]. Наряду с этим, отмечается, что чрезмерное культивирование культурной идентичности способно перерасти в расизм. Так называемая “культура исключения” (*la culture de l'exclusion*) ведет к исключению самой культуры из диалога культур, поэтому культурная идентичность не должна существовать замкнуто, а быть открытой, дабы обеспечить каждому свободу выбора идентичности [17, с. 322–326].

В работе философа Д. Г. Трунова находим описание процесса становления идентичности (*самопознания*, в терминологии ученого) с позиций современной феноменологии [8, с. 112–113]. На этапе *первичного самопознания* происходит “знакомство человека с самим собой через Другого”, формируется первичная, *пассивная*, идентичность. Рано или поздно, отмечает философ, наступает *кризис первичного самопознания* из-за возникающего когнитивного диссонанса между естественным стремлением сохранить целостность и стабильность “Я-концепции” и появлением внутренних изменений, не вписывающихся в привычный образ Я. Изменения могут возникать, к примеру, в связи с различными новыми жизненными обстоятельствами, в которых человеку сложно сохранить свою привычную идентичность. В такой “пиковой ситуации” переживается *кризис идентичности*, вследствие которого человек отказывается либо от нового опыта как чужеродного, навязанного обстоятельствами, либо от себя-прежнего ради себя-будущего. Третий этап самопознания носит реконструирующий характер, он инициирует вторичную (*активную*) идентичность. Д. Г. Трунов настаивает на открытости самоопределения, на “циклах самопознания, включающих накопление знаний о себе и их трансформацию: поступательность и скачок, непрерывность и переход, течение и преодоление, спокойствие и конфликт, повседневность и драматизм” (курсив автора) [8, с. 113].

Формулируя определение *личной идентичности*, французский философ и социолог П. Рикёр, основываясь на семиотике знака, разводит по двум полюсам проявления этого социокультурного феномена, настаивая на их неразрывной связи: идентичность как *одинаковость* (*identité*, от

лат. *idem*) и идентичность как *самость* (*ipséité*, от лат. *ipse*) [4, с. 145]. Полнос “одинаковости” носит устойчивый и неизменяемый характер, даже с течением времени, а полнос “самости” открыт изменениям. Так, по мнению П. Рикёра, идентичность предполагает дуалистичность, оставаясь одновременно неизменной и меняющейся.

Развитие приведенной выше точки зрения находим в работе французского историка и социолога Ж. Нуарьяеля. Анализируя эволюцию французской национальной идентичности и основываясь на семиотике знаков идентичности, он постулирует, что национальная идентичность (*identité*) определяется двумя критериями: *самостью* (*ipséité*) и *тождественностью* (*mêmeté*, от фр. *le même*, “такой же, тот же самый”), что, таким образом, предполагает наличие гипогиперонимических отношений в системе терминов, характеризующих понятие идентичности. Ж. Нуарьяель считает, что критерий *mêmeté* реализуется в виде понимания того, что все французы идентичны друг другу в противопоставлении, например, немцам (*tous les Français sont identiques par opposition aux Allemands*), тогда как критерий *ipséité* реализуется в представлении о том, что каждый из них испытывает одинаковое чувство принадлежности к нации, так как все представители французского общества, безусловно, объединены чувством единой истории (*les Français partagent le même sentiment d'appartenance parce qu'ils ont la même histoire*) [16, с. 19–20]. В данном случае, находим развитие идеи Г. Таджфела о социальных группах и социальной самооценке, когда каждый индивидуум, понимая свою идентичность как уникальность (*ipséité*), вместе с тем признает наличие схожей идентичности в Другом (*mêmeté*) благодаря наличию единой системы социальных и когнитивных категорий (ценностей, моделей поведения, идей и т.д.).

Понятие *идентичность* дихотомично по своей природе, оно базируется на понимании себя как индивидуальности (“отличность в своей единичности”) и на соотношении себя с Другим (“инаковость” или “аутентичность”), а ее соотношение с многоаспектностью *Другого* может предполагать [10, с. 28–29]:

- так называемого “экзотического *Другого*” (*l'autre exotique*), который актуализируется сквозь призму некоего “мы”, предполагаемого как идентичное;
- этнического или культурного *Другого* (*l'autre ethnique ou culturel*), репрезентируемом посредством местоимения “они” и названия этноса;
- социального *Другого* (*l'autre social*), предполагающем гендерное, профессиональное либо политическое разделение.

Идентичность представляет собой продукт социального взаимодействия. Она возникает как результат проекции индивидами на себя ожиданий и норм других. Членом этнической группы – и тем самым носителем определенной “этнической идентичности” (по А. П. Садохину) – индивидов делает не происхождение (биологическое или культурно-историческое), а та роль, которую эти индивиды играют в социальном взаимодействии.

Термин “чувство принадлежности” (*sentiment d'appartenance*) во многих зарубежных трудах, посвященных проблеме идентичности, выступает синонимическим субститутом *коллективной идентичности* и определяется как “индивидуальное осознание принадлежности к одной или нескольким референциальным группам и принятия их основных идентифицирующих черт (ценностей, моделей поведения и понимания, символов, коллективного воображаемого, общих умений)” [13, с. 19]. Такая трактовка проблемы подводит к необходимости рассмотрения анализируемого феномена этнокультурной идентичности [1] или женской идентичности [3] в рамках определенной социальной группы, объединенной общностью идей, ценностных доминант, стратегий поведения.

В одном из новейших французских словарей, посвященных проблеме инаковости в рамках межкультурной коммуникации [13], в статье *Identité* Ф. Бланше и М. Франкар подчеркивают процессуальный характер идентичности, считая необходимым анализировать этот социокультурный феномен с конструктивистских позиций [13, с. 155]. Авторы статьи соотносят понятия *идентичность* и *инаковость* (*identité/altérité*), справедливо полагая, что без признания существования Другого и без его “законного права на отличие” (*reconnu légitimement différent*) невозможна самоидентификация личности.

Обратимся к семиотике понятия “идентичность” по данным лингвистических исследований.

При описании структуры понятия *идентичность* в работе Д. А. Шевляковой [9] выделяется три структурных компонента: *когнитивный*, *аффективный* (эмоционально-ценностный),

поведенческий. Когнитивный компонент представляет собой содержательное наполнение (знание и представления о том или ином виде идентичности, критерии дифференциации и идентификации), аффективный компонент обобщает комплекс чувств, вызываемых фактом осознания своей идентичности, поведенческий компонент реализует совокупность моделей поведения, стереотипов, закрепленных за определенным видом идентичности, традиций и обычаев, связанных с процессами идентификации.

При обращении к проблеме гендерной идентичности проведенный С. В. Михайловой этносемиотрический анализ термина *идентичность* и способов ее репрезентации в языке исследования (русском) и в языке исследуемого материала (французском) показал следующее [3]. Согласно толковым словарям русского и французского языков, слово *идентичность* латинского происхождения. Но если французские специалисты настаивают на адъективной этимологии, непосредственно от прилагательного *idem* или его средневекового схоластического деривата *identicus* [14, с. 1774], то в русской традиции этимологией считается средне-латинский глагол *identi*□*care*, *отождествлять* (от класс. лат. < *idem* + *facere*, делать таким же, похожим) [7, с. 182]. Поскольку латинское прилагательное все-таки присутствует в русском описании этимологии, исследователь делает закономерный вывод о том, что в основе означивания понятия *идентичность* в когнитивии двух языков лежит признаковая природа, указывающая на наличие некоторого качества, которое может быть установлено у любого предмета, человека или феномена окружающей действительности.

При рассмотрении формальной представленности парадигмы *идентичность* во французском языке выяснилось, что она объединяет следующие элементы [3, с. 20–23]:

1) существительные:

- абстрактное существительное *identité*, обозначающее одновременно **тождественность**, т.е. схожесть с другими (синонимы *communauté*, *accord*, *ressemblance*), и **уникальность**, т.е. самобытность, позволяющую точно определить предмет / человека (синоним *unité*),
- отглагольное процессуальное существительное *identi*□*cation* – **отождествление** или **опознание**,
- терминологические существительные, адъективные по способу образования, *identi*□*cateur*, *identi*□*eur* – уникальный/е признак/и, позволяющий/е обозначить данные, определить их и затем отличать от других (например, в информатике);

2) прилагательные *identique* (характеризующее лицо/предмет по признаку его **тождественности**, **схожести** с другими представителями его класса или по признаку **целостности**, **уникальности**), *identi*□*able*, *identitaire* (отглагольные прилагательные) – поддающийся **опознанию**, позволяющий **установить личность**;

3) глагол *identi*□*er* и его возвратную форму *s'identi*□*er* – **устанавливать личность**, **принадлежность** по совокупности характеристик;

4) наречие *identiquement* – для обозначения способа функционирования сущности.

Отмечается, что феноменология идентичности во французском языке носит как **признаковый**, так и **функциональный** характер: наряду с нарицательными существительными, адъективными существительными и прилагательным, данный конструкт репрезентируется знаками действия и деятельности – глаголом, наречием, отглагольными существительными и прилагательными. Более того, адъективация существительных *identi*□*cateur*, *identi*□*eur* является вторичной по способу порождения. Таким образом, правомерно сделать вывод о доминирующем **функциональном** освоении феномена во французском сознании, “что соответствует в семиозисе означиванию ситуации жизненной вовлеченности носителя признака в некоторый вид деятельности” [5, с. 452].

Аналогично представлена парадигма *идентичность* и в русском языке:

– описательное освоение феномена выражается в прилагательном *идентичный* и абстрактном существительном *идентичность*,

– деятельностное – в глаголе *идентифицировать(ся)*, существительных действия *идентификация*, *идентификатор*, наречии *идентично*.

Во всех элементах парадигмы отмечается сема “тождественность, равнозначность, сходность”. Вместе с тем, сема “целостность, единство” толковыми словарями русского языка не отмечается [7].

Остановимся более подробно на диахроническом анализе семиотрии парадигмы *идентичность* во французском языке. Безусловно, ядро парадигмы представлено глаголом

*identi*er, существительным *identité* и прилагательным *identique*. Прилагательное *identique* не принадлежит к исконному латинскому лексическому фонду французского языка и возводится “Историческим словарем французского языка” [14] к средневековому схоластическому заимствованию *identicus* (*похожий*), образованному на основе прилагательного классической латыни *idem*. Официально появление прилагательного *identique* фиксируется в 1610 г., но авторы “Исторического словаря” допускают более раннее его употребление, что косвенно подтверждается дериватом *identité*, отмечаемого словарями с XIV века и трактуемого как “качество того, что является подобным” (*qualité de ce qui est le même*). Ранняя субстантивация (существительное зафиксировано словарями раньше прилагательного) говорит о том, что необходимость в понятийном содержании для французского языкового сознания оказалась выше, чем в содержании в виде признака.

Возводя этимологию рассматриваемого прилагательного к периоду средней латыни, авторы словаря приводят первичный этимон *idem* классической латыни и поясняют его значение латинской поговоркой *idem nec unum* (*похожий, но не тот же*). Действительно, *identique* трактуется словарем как характеристика объектов действительности, которые “полностью похожи между собой, но при этом остаются различными” (*parfaitement semblables tout en restant distincts*). С 1825 г. у прилагательного зафиксировано новое значение – “одинаковый в различные моменты своего существования” (*le même à différents moments de son existence*). Подобным образом развивается семантика существительного *identité*, определяющего характер того, “что является постоянным, целым” (*ce qui est permanent, ce qui est un*) [14, с. 1774].

Важно, что понятие *identité* и признак *identique* на каждом этапе своего существования имели как антропологическое, так и неантропологическое значение, характеризуя как человека, так и предмет. С середины XVIII века происходит значительное расширение неантропологического, предметного, употребления, в основном, в сфере абстрактных наук (математика, логика, философия), что свидетельствует о развитии отвлеченного знания и о возникновении связанного с ним понятийного аппарата [15].

Французский глагол *identi*er отмечается словарями с 1764 г. в значении “рассматривать в качестве подобного другому” (*considérer comme identique à autre chose*); в 1784 г. фиксируется значение “узнавать кого-л., распознавать что-л.” (*reconnaître qqn, qqch*); в 1836 г. исходное значение “делать похожим” признается редким. В XIX–XX веках в результате более широкого толкования слова добавляются новые значения: в 1864 г. – “распознавать природу кого-л., чего-л.” (*reconnaître la nature de qqn, qqch*); в конце XIX века – “определять с точки зрения гражданского состояния” (*reconnaître du point de vue de l'état civil*) и, наконец, в 1935 г. “признавать принадлежащим к какому-нибудь классу, виду” (*reconnaître comme appartenant à une classe, une espèce*) [14, с. 1773]. Таким образом, изначальная смысловая доминанта “похожести” присутствует на протяжении всей истории существования этой лексической единицы, однако с точки зрения содержательных характеристик наблюдается появление более узкого значения за счет дополнительного соотношения – “схожесть с определенной группой предметов или людей”.

Диахроническая этносемиотрия лексемы *идентичность* во французском языке позволяет сделать следующие выводы:

- 1) языковые репрезентанты понятия *идентичность*, будучи заимствованиями из средневековой схоластической латыни, представляют собой абстрактно мыслимые понятия;
- 2) ядерными смыслами этносемиотрии лексемы *идентичность* следует считать “схожесть, тождественность”, а также “отличие в своем подобии”;
- 3) двойная семантика данной понятийной области конституируется как антропологическим, так и неантропологическим значением на основе семы “похожесть, но не полное совпадение”. Если неантропологическое значение развивается в специализированное терминологическое значение в математике и логике, то антропологическое значение получает новый виток абстрагирующего развития в философии и социогуманитарных науках.

Французская школа дискурсивной лингвистики одной из первых обратилась к выявлению процессов идентификации в речи. Французские дискуртологи для определения *идентичности* оперируют понятиями *субъекта речи* (*Я-говорящего, sujet parlant*) и *Другого* (*Наблюдателя, Autre*). При речепроизводстве Я-говорящий сопоставляется с Другим, и, таким образом, определяются отличительные черты субъекта речи. Идентичность говорящего дуалистична по своей природе, так как она конструируется в процессе высказывания в двух направлениях,

независимых друг от друга, но при этом взаимодополняющих: формирование *персональной идентичности (identité personnelle)* и *идентичности позиционирования (identité de positionnement)*.

Актуальным представляется мнение французского дискурсолога П. Шародо, который предлагает разделить *персональную идентичность* на

- внешнюю, носящую психосоциальный характер: речь идет о совокупности черт, которые характеризуют индивида согласно его возрасту, гендерной принадлежности, социальному статусу, уровню аффектации и т. д.;
- внутреннюю, или дискурсивную, описываемую с точки зрения прагматической интерпретации высказывания при помощи локутивных категорий (*modes de prise de parole, rôles énonciatifs, modes d'intervention*) [12, с. 299–300].

Дискурсивная стратегия говорящего является, таким образом, результатом различных комбинаций, составляющих внешнюю и внутреннюю персональную идентичность индивида. Считаем необходимым обратить внимание на рассмотрение *идентичности позиционирования* как с формальной точки зрения (в выборе лексикона, языкового регистра, дискурсивного жанра и т. д.), так и с содержательной (в частности, в отстаивании некоторых идеологических установок, в сознательной или бессознательной защите некоей системы ценностей). Пример анализа идентичности позиционирования находим в работе О. А. Кулагиной [1], показавшей, что ценностными координатами языковой картины мира французского социума в диахронической перспективе, диагностирующими социальную эволюцию в коммуникации с Другим, являются этническая идентичность, инаковость, этнические стереотипы. Специфически французскими репрезентантами инаковости и идентичности являются базисные лексемы *étranger* (чужой), *autre* (другой) и *itême* (такой же), коммуникативно-социальная релевантность которых детерминирована опосредованной литературной коммуникацией ценностными ориентирами, отражающими знание о человеке говорящем в ситуации этнокультурного диссонанса, обусловленного установками поведения коммуникантов, а также их социально-статусной принадлежностью.

Социогуманитарная научная парадигма, изучающая идентичность как сложный многоуровневый феномен, объединяет труды философов, социологов, антропологов, психологов, политологов, культурологов, лингвистов, дискурсологов. Таким образом, можно сделать вывод, что термин *идентичность* находится в центре внимания современного антропоцентрического вектора исследований в науке и что на сегодняшний день в данном векторе доминирует междисциплинарный подход. Полученные данные семиотрии могут способствовать более углубленному анализу лингвосомиозиса данного понятия с точки зрения трансформаций его концептуального потенциала как способа перехвата важнейшей сущности бытия человека и общества.

Литература

1. Кулагина О. А. Языковое портретирование чужого как способ передачи этнокультурного диссонанса во французском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Ольга Анатольевна Кулагина. – М., 2012. – 201 с.
2. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективн. монография / Отв. ред. Л. Г. Викулова. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
3. Михайлова С. В. Фемининная идентичность и способы ее объективации во французском художественном дискурсе XVII века: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С. В. Михайлова. – М., 2012. – 249 с.
4. Рикёр П. Я-сам как другой / Поль Рикёр. – М. : Изд-во гуманитарн. лит-ры, 2008. – 416 с.
5. Серебренникова Е. Ф. Семиотрия слова “странный” в сравнительном культурологическом аспекте анализа // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективн. монография / Евгения Федоровна Серебренникова. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 445–458.
6. Скредина Л. М. Школа Гийома: психосистематика / Л. М. Скредина: учеб. пособ. к курсу “История лингвист. учений и методов анализа”. – М. : Высш. шк., 2009. – 367 с.
7. Словарь иностранных слов [гл. ред. Петрова Ф. Н.]. – М. : Рус. яз., 1988. – 608 с.
8. Трунов Д. Г. Феноменология самопознания: регионы самобытия / Д. Г. Трунов : монография. – Пермь : ПермГУ, 2011. – 318 с.
9. Шевлякова Д. А. Доминанты национальной идентичности итальянцев / Д. А. Шевлякова : монография. – М. : Университетская книга, 2011. – 496 с.

10. Augé M. Non-Lieux: Introduction à une anthropologie de la surmodernité [Text] / M. Augé. – Paris : Éditions du Seuil, 1992. – 158 p.
11. Barreto A. Exclusions et maladies d'âme / A. Barreto // Où vont les valeurs? Entretiens du XXIe siècle. – Paris : Éditions UNESCO, 2004. – P. 437–445.
12. Charaudeau P. Identité / P. Charaudeau // Dictionnaire d'Analyse du Discours. – Paris : Editions du Seuil, 2002. – P. 299–300.
13. Dictionnaire de l'altérité et des relations culturelles [Sous la direction de G. Ferréol, G. Jucquois]. – Paris: Armand Colin, 2010. – 354 p.
14. Dictionnaire historique de la langue française [Sous la direction d'A. Rey]. – Paris : Robert, 2006. – 4304 p.
15. Drapeau Contim Ph. Qu'est-ce que l'identité? / Ph. Drapeau Contim. – Paris : LIBRAIRIE PHILOSOPHIQUE J. Vrin, 2010. – 128 p.
16. Noiriel G. À quoi sert "l'identité nationale"? / G. Noiriel. – Marseille : Agone, 2007. – 154 p.
17. Portella E. La culture au XXIe siècle: clonage ou métissage? / E. Portella // Où vont les valeurs? Entretiens du XXIe siècle. – Paris: Éditions UNESCO / Albin Michel, 2004. – P. 321–327.
18. Shayegan D. Une "schizophrénie apprivoisée"? / D. Shayegan // Où vont les valeurs? Entretiens du XXIe siècle. – Paris: Éditions UNESCO, 2004. – P. 221–227.

Аннотация

Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова. Идентичность как элемент универсума человека и универсума языка: аксиологический аспект интерпретации

Статья посвящена проблеме современного лингвистического аксиологического анализа и обоснованию этносемиометрии в качестве одного из возможных способов его реализации. Уточняются принципы и контексты использования этносемиометрии, и на этой основе осуществляется аксиологический анализ лексемы "идентичность" во французском языке.

Ключевые слова: идентичность, лингвистический аксиологический анализ, этносемиометрия.

Анотація

Л. Г. Вікулова, Є. Ф. Серебреннікова. Ідентичність як елемент універсуму людини та універсуму мови: аксіологічний аспект інтерпретації

Статтю присвячено проблемі сучасного лінгвістичного аксіологічного аналізу й обґрунтуванню етносеміометрії як одного з можливих способів його реалізації. Уточнюються принципи та контексти використання етносеміометрії, і на даній основі здійснюється аксіологічний аналіз лексеми "ідентичність" у французькій мові.

Ключові слова: ідентичність, лінгвістичний аксіологічний аналіз, етносеміометрія.

Abstract

L. G. Vikulova, Y. F. Serebrennikova. "Identity" as an Element of the Person Universum and Language Universum: Axiological Aspect of Interpretation

The article deals with the modern linguistic axiological analysis and offers a detailed account of "ethnosemiometry" as one of its possible implementations. It has been indicated that the research method of "ethnosemiometry" is an interdisciplinary integration between contemporary cognitive and discourse linguistics and cross-cultural communication studies. The work specifies the principles and contexts of the method employment and features an axiological analysis of the lexeme "identity" in the French language on the basis of which it becomes possible to formulate the general existential condition of the modern person and human society. It has been emphasized that the term "identity" is in the focus of attention of modern anthropocentric researches in science and that an interdisciplinary approach dominates in this sphere nowadays.

Key words: identity, linguistic axiological analysis, ethnosemiometry.